

УДК 342

doi:10.35853/vestnik.gu.2026.14-3.06

5.1.1.

«Против либералов» Армина Молера: заметки на полях (часть первая)

Алексей Павлович Семитко

АНО ВО «Гуманитарный университет», Екатеринбург, Россия,
<https://orcid.org/0000-0003-4425-3053>

Аннотация. Статья представляет собой критический разбор эссе швейцарско-немецкого публициста Армина Молера «Против либералов» (русский перевод 2024 года). Автор анализирует своеобразный «поэтический», образно-метафорический стиль Молера, отмечая его принципиальную противоречивость и отказ от строгой аргументации. Показано, что центральный тезис эссе – критика «либералов» при декларируемом отсутствии претензий к либеральным ценностям – содержит неразрешимое логическое противоречие относительно самого объекта критики. Ключевые обвинения Молера (создание «общества лжецов», «мания разумности», неисполнимость Основного закона ФРГ и др.) рассматриваются и последовательно сопоставляются с положениями классиков либеральной мысли – Дж. С. Милля, К. Ясперса, Ф. Хайека, что позволяет продемонстрировать фактическое незнание автором эссе либеральной доктрины, а также выявить ряд грубых ошибок (в частности, характеристику советской Конституции как «одной из самых либеральных в мире», обвинение либералов в мании всезнания, стремлении к экспроприации и др.). Молер приписывает учению либерализма, не называя конкретных авторов, такие представления об индивиде, которые за 45 лет до этого Ф. Хайеком были названы «наиболее нелепым из распространенных» недоразумений по поводу данного учения. В итоге при декларируемом отсутствии (и фактическом присутствии) претензий Молера к либеральным ценностям его эссе точнее было бы назвать «Против либерализма и его ценностей».

Ключевые слова: Армин Молер, либерализм, консерватизм, консервативная революция, критика либерализма, конституционализм, советская конституция, Конституция ФРГ

Для цитирования: Семитко А. П. «Против либералов» Армина Молера: заметки на полях (часть первая) // Вестник Гуманитарного университета. 2026. Т. 14, № 3. С. 57–79. DOI 10.35853/vestnik.gu.2026.14-3.06.

“Against the Liberals” by Armin Mohler: Marginalia (Part 1)

Alexey P. Semitko

Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia,
<https://orcid.org/0000-0003-4425-3053>

Abstract. This article presents a critical analysis of the essay *Against the Liberals* by the Swiss-German publicist Armin Mohler (Russian translation, 2024). The author analyses Mohler’s distinctive “poetic”, figurative and metaphorical style, noting its fundamental inconsistency and rejection of rigorous argumentation. It is demonstrated that the essay’s central thesis – a critique of “liberals” whilst professing no objections to liberal values – contains an irresolvable logical contradiction regarding the very object of the critique. Mohler’s key accusations (the creation of a “society of liars”, “rationality mania”, the unenforceability of the German Constitutional Law, etc.) are examined and systematically compared with the tenets of the classics of liberal thought –

J. S. Mill, K. Jaspers and F. Hayek – which demonstrates the essayist's actual ignorance of liberal doctrine, whilst also revealing a number of gross errors (in particular, the characterization of the Soviet Constitution as “one of the most liberal in the world”, the accusation of the liberals of an alleged mania for omniscience, the aspiration for expropriation, etc.). A. Mohler ascribes to liberalism, albeit without explicitly attributing them to specific authors, certain conceptions of the individual, that F. Hayek, 45 years prior, described as “the most misguided of common misconceptions about this doctrine”. Ultimately, given the avowed absence (and de facto presence) of Mohler's criticisms of liberal values, it would be more appropriate to title his essay *Against Liberalism and Its Principles*.

Keywords: Armin Mohler, liberalism, conservatism, the Conservative Revolution, critique of liberalism, constitutionalism, Soviet Constitution, The Constitution of the Federal Republic of Germany

For citation: Semitko AP. “Against the Liberals” by Armin Mohler: Marginalia (Part 1). *Vestnik Gumanitarnogo universiteta* = *Bulletin of Liberal Arts University*. 2026;14(3):57-79. (In Russ.). DOI:10.35853/vestnik.gu.2026.14-3.06.

В 2024 году издательство «Silene Noctiflora» опубликовало русский перевод работы швейцарско-немецкого публициста и историка Армина Молера (1920–2003) «Против либералов» [Молер 2024]. Этот автор известен российскому, русскоязычному читателю главным образом по его книге «Консервативная революция в Германии 1918–1932» [Молер. Консервативная революция ... 2017]. Сегодня становится модным критиковать либеральную идею, т. е. идею свободы, равенства, уважения человеческого достоинства, защиты прав человека, демократического правления и правового государства, а потому эссе «Против либералов» не может не заинтересовать как приверженцев этой идеи, так и ее противников, но, вполне понятно, по разным основаниям. Противники теории и практики либерализма не прочь получить дополнительные подтверждения кризиса или, возможно, даже фиаско последнего, а либерально ориентированные читатели заинтересуются текстом Молера, чтобы поразмышлять над проблемами либерализма, вступить в дискуссию с оппонентами последнего и либо опровергнуть их критику, либо признать выявленные ими ошибки, уязвимости, недостатки этого социально-политического учения и наметить пути их преодоления, ибо критика – это один из важнейших моторов прогресса научных теорий, проверки их на истинность и применимость на практике. В работе А. Шайо (в соавторстве с Р. Уитц) по поводу критики либерализма отмечается следующее: «В нынешнем (во многом основанном на смешении понятий, исковерканном) общественном представлении о надвигающемся кризисе конституционного правления либерализм (не только рыночный) превратился в дьявольскую теорию заговора, прародителя слабости и анархии... Либерализма стыдятся, что вызывает серьезные трудности для защиты конституционализма и ставит под вопрос его легитимность.

Что случится с теми, кого уверили, что либерализм (и свободу других) следует презирать? Этот сюжет развивается у нас на глазах, и открывающееся зрелище повергает нас в оцепенение и ужас» [Шайо, Уитц 2024, с. 3]¹. К сожалению, либерализм действительно подвергается сегодня всевозможной и подчас крайне суровой критике, исходя из самых разных позиций и оснований, поэтому анализ одного из весьма жестких критических направлений, предложенных Армином Молером, представляется исключительно важным.

Написать традиционную рецензию на эссе А. Молера вряд ли возможно, поскольку его тексты отличаются образностью, метафоричностью, многозначностью, противоречивостью, намеками, полунамеками (на то, о чем открыто говорить в приличном

¹ НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ ПРОИЗВЕДЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ ИЛИ КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА (АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ «ИНСТИТУТ ПРАВА И ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ» РЕШЕНИЕМ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ РФ ОТ 15 ИЮЛЯ 2021 Г. ВКЛЮЧЕНА В РЕЕСТР ИНОСТРАННЫХ АГЕНТОВ). (18+)

обществе не принято) и неявными отсылками к контексту, который, к сожалению, не всегда может быть известен современному читателю (и в особенности российскому). Склонность к подобному стилю была заметна уже в «Консервативной революции в Германии 1918–1932» – первой крупной работе Армина Молера, защищенной в 1949 году в виде диссертации, а позже опубликованной отдельной книгой (с последующими доработками и переизданиями), получившей всеобщее признание в качестве одной из основополагающих работ в изучении современного консерватизма. В ней автор писал о важности опоры на образы при изучении мировоззрения, основной чертой которого является его «убежденность в непостижимости действительности через рассудочные слова и точные понятия. Только поэтический слог и образ в состоянии явить нам реальность; научное понятие всё больше и больше “шифруется”, теряет свои четкие контуры, становится подчиненным образам» [Молер. Консервативная революция ... 2017, с. 46], а потому исследователь «постоянно пребывает в искушении перейти от “туманного” понятийного аппарата к “предельно четкой” образной речи» [Там же, с. 47]. Весьма парадоксальное противопоставление «туманного» понятийного аппарата «предельно четкой» образной речи, поскольку нам, например, представляется, что все обстоит как раз наоборот. И далее Молер приводит длинную (чуть более страницы) цитату (дадим только часть ее) из дневника Герхарда Небеля, в котором последний воспекает преимущества образа перед понятием: «... Понятие кормится страхом, образ насыщается праздничным торжеством от свершенного открытия. Понятие убивает свою добычу, и вообще предпочитает принимать только трупы, а образ являет искрящуюся жизнь. Понятие как термин исключает возможность какой-либо тайны, образ же в этом отношении – это парадоксальное единение противоположностей, но при этом сохраняет и чтит темноту... Понятие апеллирует к мозгу, образ – к сердцу... Понятие измеримо, образ – бесконечен...» [Там же, с. 47–48].

Очевидно, что такой пиетет перед образным дискурсом был очень близок и самому Молеру: он остается верен ему и в рецензируемом здесь произведении «Против либералов». В сопровождающей это эссе статье научного редактора перевода Ф. М. Фомичёва «Молер как стиль»², посвященной биографии швейцарско-немецкого публициста и историка, ярко представлен его творческий портрет, подробно освещаются особенности «молеровского стиля, центрированного на характерной для искусства образности... Искусство как инструмент постижения мира всегда обладало первичным и решающим значением для мысли Молера... Подобного стиля анализа и интерпретации окружающей действительности Молер будет придерживаться всю жизнь...» [Фомичёв 2024, с. 115–116]. Научный редактор (и автор примечаний к книге) продолжает далее: «... у Молера никогда не было претензии на теоретичность и научную фундаментальность... Молер всячески подчеркивал – как на словах, так и своей жизнью, – что теоретические рассуждения и доказательства чужды ему. “Я даю образ, а люди либо просто проглатывают его, либо нет”, говорил он (Молер. – А. С.)» [Там же, с. 137, 151]. Такая яркая характеристика стиля швейцарско-немецкого публициста и историка (будем называть его далее немецким публицистом, учитывая публицистический характер рассматриваемого эссе и тот факт, что большую часть своей жизни после защиты в 1949 году диссертации он прожил в Германии), конечно, не может не вызвать заинтересованного прочтения его работы: сможем ли мы «проглотить» предложенные Молером образы или нет, убедительны ли они или нуждаются в дополнении, развитии, а может быть, должны быть подвергнуты критике и отброшены, как нечто неудачное, странное и совершенно неубедительное.

Еще одна важная черта молеровского стиля, о которой научный редактор перевода не упомянул в своей исключительно интересной и достаточно емкой сопроводительной статье (что, однако, не может быть поставлено ему в вину, как потому, что описать

² Название статьи Ф. М. Фомичёва перекликается с известным эссе А. Молера «Фашизм как стиль», опубликованным в приложении к упомянутой выше книге «Консервативная революция в Германии...» (см.: [Молер. Фашизм ... 2017, с. 271–308]).

этот стиль исчерпывающим образом очень сложно, так и потому, что такая попытка потребовала бы гораздо большего объема текста, о чем Ф. М. Фомичёв предупредил читателя, отметив, что в представленной им статье едва ли освещена десятая часть биографии Молера, а разновекторность поэтической мысли последнего и резкость ее разворотов, складывающиеся в единую картину, таковы, что хотя образ ее «не так сложно ухватить, но очень не просто структурированно описать» [Фомичёв 2024, с. 151]), черта «поэтической мысли» Молера – это ее противоречивость, обозначенная и самим автором еще в его первой и главной работе: «Целью данного идеологически-исторического исследования не является выстраивание логичной, лишенной внутренних противоречий системы... **Мы позволим себе основываться даже на разнообразных логических противоречиях** (выделено нами. – А. С.)» [Молер. Консервативная революция ... 2017, с. 172]³. По причине этой уникальности молеровского письма мы ограничимся чем-то вроде заметок на полях вместо обычной рецензии, поскольку уловить какую-то стройную концепцию или интеллектуальную конструкцию в работе немецкого публициста крайне сложно, а противоречивые послышки и тезисы ведут, как известно из логики, к любым, самым разнообразным выводам, которые может сделать читатель, что еще больше усложняет восприятие молеровской «поэтической мысли» и предлагаемых им читателю образов и метафор.

В первых двух абзацах первой части рассматриваемого эссе (имеющей название «Нет ничего лучше добрых намерений») автор рассуждает, кто является главным врагом для человека правых взглядов, и помимо разных претендентов на эту роль определяет либерала «врагом номер один для консерваторов определенного типа, к которому отношусь и я (Армин Молер. – А. С.)» [Молер 2024, с. 20–21]. От либерала, продолжает далее их характеристику автор, невозможно услышать даже «части правды», которую зачастую могут сказать о себе люди левых взглядов, не являющиеся либералами, т. е. последние сразу же обвиняются немецким публицистом в тотальной лжи, по причине чего с ними «никакого взаимопонимания быть не может» [Там же, с. 21]. Прямо о тотальной лжи автор не говорит, однако подталкивает читателя к соответствующему выводу: если люди левых взглядов зачастую говорят правду, то с либералами нет «никакого» взаимопонимания, ибо от них невозможно услышать даже «части правды» (т. е. вполне можно сделать вывод, что они всегда говорят неправду). Каких-либо доказательств этого утверждения не приводится, а дается, как можно понять из приведенной выше характеристики авторского стиля, лишь некоторый пока еще смутный, но явно мутный образ либерала, образ, который читатель может проглотить, а может и нет. Позже эти косвенные, но весьма прозрачные намеки подтверждаются прямыми и постоянно повторяющимися, хотя по-прежнему бездоказательными обвинениями либералов в создании общества лжецов (об этом – ниже). Делается это с такой навязчивостью, что образ погрязших во лжи либералов не проглотить (главным образом его сторонникам, которые и ранее считали точно так же) практически невозможно.

Далее автор дает важные уточнения: «Итак, позвольте мне кое-что прояснить: я не имею ничего против ценностей, которые исповедуют либералы. Я не ставлю под вопрос ни свободу, ни толерантность, ни право на критику. Я вообще не дискутирую о ценностях. Ценности либералов – как те, которые я только что кратко перечислил, так и прочие неназванные, – однозначно хороши. Никто не ставит их под сомнение» [Молер 2024, с. 21]. Данный комментарий требует более подробного разбора, а именно: в обычном, общепринятом дискурсе либерал определяется как человек, который исповедует либеральные ценности. «Словарь русского языка» говорит: либерал – это «сторонник, последователь либерализма (в первом значении)», причем в первом значении либерализм в том же словаре означает «общественно-политическое течение, объединяющее сторонников парламентаризма, демократических свобод и частного предпринимательства» [Ожегов 2007, с. 225]. Любой человек «выполняет» в жизни массу всевозможных

³ В тех случаях, где нет пояснения о том, что выделения принадлежат автору этих строк, они сделаны автором цитируемого нами текста.

ролей и функций: он – рабочий, служащий или предприниматель, менеджер или рядовой работник, сельский житель или горожанин, молодой или пожилой, политический деятель, занимающий активную гражданскую позицию общественник или пассивный обыватель, коммунист, либерал или консерватор и т. д. Перечень – почти бесконечный. Принадлежность к общественно-политическому течению определяется именно по тому, какие ценности разделяет тот или иной человек. Следовательно, либерал – это человек, который разделяет либеральные ценности, и данная характеристика приписывается ему исключительно на этом основании. Если отбросить эти ценности (Молер ведь, по его словам, совсем не против них), то что останется у «либерала» в молеровском смысле? Останется рабочий, служащий или предприниматель, любитель прозы или поэзии (и тут уже выделяем любителей различных художественных направлений, которых десятки, а то и сотни, а также разных поэтов и писателей, которых миллионы, а то и десятки миллионов) и много еще чего. Сразу же перед читателем встает некоторая загадка, можно даже сказать, настоящая тайна: а кто такой либерал в понимании Молера, если последний совсем и не против либеральных ценностей, которые исповедует либерал? Возникает некоторая логическая проблема: как автор может выступать против сторонников указанных ценностей, если он не против последних самих по себе, собственно говоря, и определяющих того, кто относится к либералам? Или то же самое, но другими словами: либерал – это человек, исповедующий либеральные ценности, и если кто-то выступает против либерала, то, следовательно, он выступает (не может не выступать) и против либеральных ценностей. Однако Молер убеждает нас в противоположном – в том, что он не имеет ничего против указанных ценностей. Это – очевидное противоречие, поскольку автор выступает либо против либералов и, следовательно, против либеральных ценностей, которых они придерживаются, либо против некоторой, совершенно непонятной группы людей (и называть их «либералами» можно только в кавычках), которые не придерживаются, как он, либеральных ценностей. Если мы перенесем эту мыслительную («поэтично-мыслительную») конструкцию автора на другой – отдаленный – пример-аналогию, то это выглядит так же, как если бы некоторый социолог описывал повседневную жизнь сельских жителей, обитающих, однако, в большом городе, следующим образом: подъем, душ, чашечка кофе, поездка на метро на работу и т. д., и т. п. Любой читатель, наверняка, задастся вопросом: а почему же тогда это житель сельский, если он постоянно живет (и работает) в городе, т. е. является горожанином? Ведь признак «сельский» определяется по месту жительства, и изменение последнего (из села в город) меняет квалификацию «сельский» на «городской», притом что других самых различных ролей и функций у разных людей может быть очень и очень много. Вы что имеете в виду, когда говорите про сельских жителей, которые живут в городе (и, возможно, даже уже не в первом и даже не в одном поколении)?

Проблема усложняется еще и тем (или, наоборот, проясняется?), что Молер тут же – в процитированной выше фразе после слов «Никто не ставит их (либеральные ценности. – А. С.) под сомнение» – добавляет: «К слову, эти ценности не принадлежат одним лишь либералам – в нашем обществе немало людей, которые не полагают себя либералами, но признают эти ценности и даже делают во благо оных больше, чем иные либералы» [Молер 2024, с. 21]. Таким образом, к нашему устоявшемуся и соответствующему элементарным правилам логики представлению о том, что либерал потому и либерал, что придерживается соответствующих ценностей (не только на словах, но и на деле), добавляется еще и другое – молеровское – определение: есть люди, которые признают либеральные ценности и даже делают для их защиты больше на практике, чем иные либералы, которые – можно отсюда легко предположить – только на словах признают эти ценности, а на практике делают для их защиты очень мало (выражение «больше, чем иные либералы» вполне можно трактовать так, что указанные «люди, которые не полагают себя либералами», делают больше, т. е. вплоть до 80 или даже 100 % возможных добрых, «во благо оных», дел, в то время как некоторые лица, называющие

себя либералами, делают мало, скажем, 0,01 % из возможных добрых и полезных для процветания либерализма дел).

В итоге анализа высказываний Молера получается, что имеются либералы (первая их категория), которые на словах и на деле признают соответствующие ценности, но автор выступает не против последних, а против людей, которые этих ценностей придерживаются; имеется также и вторая категория «либералов», которые в основном лишь на словах признают соответствующие ценности; и имеются – внимание – нелибералы, которые признают указанные ценности не только на словах, но и на деле, а потому и на практике «делают во благо оных больше, чем иные либералы». Для первой ситуации тогда возникает вопрос: что же остается у либерала, если убрать его либеральные ценности (против которых автор не выступает и, следовательно, по логике «вещей» не может выступать и против либералов, главным признаком которых является признание и реализация в той или иной мере соответствующих ценностей)? Против чего именно выступает автор, против какой другой роли, функции людей, которые исповедуют либеральные ценности? Для второй ситуации возникает вопрос: а на каком основании автор называет либералами людей, которые только на словах, а не на деле исповедуют соответствующие ценности? Это же – лжецы, которых надо гнать из либерального лагеря, и как можно скорее, чтобы они не дискредитировали его своим недобросовестным поведением, и если критика Молера направлена против них, то с ней невозможно не согласиться, невозможно ее не одобрить и не поддержать, но тогда эссе Молера надо было бы назвать более точно так: «Против **псевдолибералов**». Третья ситуация, пожалуй, самая сложная, и это – опять некоторая загадка, тайна: кто такие нелибералы, признающие либеральные ценности на словах и защищающие их на практике? Почему и на каком основании им отказано в этой квалификации – быть либералом? Похоже, что это еще одно противоречие «поэтической мысли» немецкого публициста, т. е. в итоге двойное противоречие. Одно из них – в отношении объекта своего исследования, которое оказывается пустым множеством, против которого выступает автор. Пустым как потому, что оно пока является неизвестным, непонятым, так и потому, что ничего либерального не остается у «либералов», если убрать их ценности, против которых автор не возражает и не выступает (по аналогии с пустым множеством или противоречием в объекте «сельских жителей, проживающих в городе»). Другое противоречие связано с тем, что обычная, устоявшаяся связь объекта, определяемого по его основному и единственному признаку, «переворачивается» и мы получаем «нелибералов» (не путать с «неолибералами»), которые «признают эти ценности и даже делают во благо оных больше, чем иные либералы». Или, другими словами, мы имеем одно понятие и его определение, отрицающее само понятие, которое, в свою очередь, отрицает свое определение. Если сказать не совсем научным языком, а более поэтичным, участь у Молера, ориентируясь на его образный стиль (не уверен, что получится, но можно попробовать), то все это у него – про что он пишет в процитированных примерах – не что иное, как чепуха на постном масле.

Итак, ключевой, центральный отправной пункт немецкого публициста – объект и предмет его исследования – это либо пустое множество, про которое можно писать все что угодно, не утруждая себя доказательствами⁴, либо противоречие, из которого можно сделать любой вывод. Имеет ли смысл рассматривать это эссе дальше? Думаю, что да, так как смыслы, мотивы, ценностные установки образной речи Армина Молера могут быть раскрыты в последующих его рассуждениях. Ведь не может же полнейшая

⁴ Автор эссе и делает это постоянно, а в ряде случаев так прямо и признает, что доказательства или даже примеры, подтверждающие его тезисы и высказывания, приводить не нужно, ибо они, как оказывается, всем хорошо известны: «Общество, в котором декларации о намерениях – это единственное, что имеет значение, порождает лишь недобросовестных людей. Они произносят уже наизусть заученные словечки, вступают в нужную партию и делают затем всё, что им заблагорассудится. Мне не нужно приводить примеры, с которыми каждый сталкивается ежедневно» (выделено нами. – А. С.) [Молер 2024, с. 36–37].

чепуха, точнее, чепуха на постном масле быть столь популярной, переиздаваться на родине Молера, переводиться на другие языки и издаваться в других странах. Наверное, в его рассуждениях имеется что-то глубинное, важное и полезное, надо только до всего этого докопаться, добраться, додуматься, суметь понять, подтянуться до интеллектуального и образно-метафоричного уровня автора и т. д. Рассмотреть это эссе в полном объеме необходимо еще и для того, чтобы устранить (или, напротив, подтвердить) сомнения в искренности автора, который утверждает, что (якобы) не имеет ничего против либеральных ценностей, а выступает исключительно только против либералов. И здесь перед нами – железная альтернатива, нам необходимо совершить выбор из трех взаимоисключающих возможностей. Первое: если Молер на самом деле выступает против либералов (критикует их за действительные или вымышленные им самим недостатки, ошибки, пороки), то он закономерно выступает и против соответствующих ценностей. Второе: если он не против последних, то тогда не может выступать против либералов, хотя и посвятил этому вопросу одноименное эссе. Наконец (и это и не первое, и не второе), автор, возможно, выступает против людей, которые только на словах декларируют либеральные ценности, а на самом деле не придерживаются их на практике, т. е. могут быть охарактеризованы как отъявленные лжецы, которые, кроме возмущения и желания вывести их на «чистую воду», не должны вызывать никаких других эмоций у любого честного человека (будь он настоящим либералом, консерватором, коммунистом или беспартийным). Назовем таких отъявленных лжецов псевдолибералами, т. е. нелибералами, хотя это (последнее) определение в данном тексте мы использовать не можем, ибо оно уже «занято» Молером: его «нелибералы» – это люди, «которые не полагают себя либералами, но признают эти ценности и даже делают во благо оных больше, чем иные либералы».

Чтобы найти подтверждение одной из этих альтернатив, надо проанализировать ход дальнейших рассуждений автора, что сделаем позже, а пока вернемся к высказыванию по поводу «проглатывания» (или нет) читателем предлагаемых ему автором образов. И здесь Молер, пожалуй, абсолютно прав: кто-то проглотит эти образы, а кто-то нет. Понятно, что немецкому публицисту были знакомы реакции на его тексты – как глубоко негативные, резко критические, так и, напротив, высоко положительные, одобрительные, – и на основе своих наблюдений он вполне мог сделать такой весьма правдоподобный вывод. И вывод этот состоит в том, что когнитивные психологи обнаружили в проводимых ими научных исследованиях и экспериментах, а в дальнейшем вывели на уровень теории. Так вот Армин Молер интуитивно схватил, понял, прочувствовал, так сказать, на практике этот доказанный позже в науке вывод: «свои» Молера поддержат, одобряют, проглотят (его образы), а другие его попросту не интересуют. Для своих писать всегда легче, так как они заранее согласны с верностью рассуждений и уместностью предлагаемых им образов. Известный когнитивный психолог, нобелевский лауреат 2002 года Даниэль Канеман пишет: «...логику непросто проверять в присутствии настойчивого убеждения “Да, все правильно!” и мало кто берет на себя труд продумать цепочку рассуждений».

Из этого эксперимента (который рассматривался Канеманом в его книге. – А. С.) следуют обескураживающие выводы относительно повседневных решений. Выходит, что если люди верят в истинность какого-либо утверждения, они охотно поверят даже несостоятельным аргументам в его поддержку» [Канеман 2011, с. 37]. В другом месте Канеман добавляет: «Нам известно, что людям свойственно проявлять непоколебимую веру в любое утверждение, каким бы абсурдным оно ни было, если эту веру разделяет сообщество сходно мыслящих индивидов» [Там же, с. 384]. Несостоятельные, абсурдные аргументы, к которым вполне можно отнести всевозможные туманные образы, оценки, намеки и полунамеки, ничем не подтвержденные эмоциональные констатации и много еще чего, что «свои» с удовольствием проглотят, а «чужие» – нет, о чем достаточно убедительно и сказал Молер в процитированном выше высказывании. Ведь люди обычно замечают и «проглатывают» лишь то, что подтверждает их точку зрения,

и поэтому антилибералы найдут в текстах немецкого публициста, т. е. близкого им (для них «своего», «нашего») автора немало приятного и заранее совершенно для них убедительного.

Другой известный когнитивный психолог, Стивен Пинкер, пишет об этом как о «предвзятости в пользу своих», которой присуща и другая, более странная рациональность, еще называемая в науке экспрессивной рациональностью: «Это рассуждение, цель которого – не приблизиться к пониманию окружающей действительности, но добиться признания со стороны своей референтной группы. Люди высказывают мнение, чтобы продемонстрировать, на чьей они стороне. Если от того, разделяет ли человек определенное убеждение или нет, зависит его судьба, размахивание партийными знаменами никак не назовешь нерациональным. Поддержать точку зрения, которую считает ересью твое окружение... – значит выставить себя предателем, чужаком, человеком “не в теме” и обречь себя на социальную смерть. Более того, утверждения, максимально убедительно сигнализирующие о самоидентификации человека, зачастую и есть самые нелепые. Любой случайный приятель подтвердит, что Земля круглая, и только человек одной с тобой крови согласится, что она плоская, и не побоится выставить себя дураком перед посторонними» [Пинкер 2021, с. 231–232]. Поэтому все дальнейшие нелепицы, которые мы обнаружим в тексте Молера, появляются, как нам кажется, именно по указанной причине, а не потому, что автор в них свято верит или вполне серьезно считает их истинными (хотя кто его знает? Чужая душа – потемки): он явно не ставит цели приблизиться к пониманию окружающей социально-политической действительности, он пишет для «своих», которые хорошо воспримут, высоко оценят и почти в любом случае одобряют, т. е. проглотят любые его образы и метафоры.

Возвращаемся к претензиям Молера в адрес либералов. Он пишет: *«Чего я не могу простить либералам, так это того, что они создали общество, в котором человек оценивается по тому, что он говорит (или пишет), а не по тому, что он собой представляет. И поскольку это всё ещё звучит несколько абстрактно, скажу конкретнее: либералы создали общество, в котором о человеке судят по его словам, а не по его поступкам»* [Молер 2024, с. 21–22]. Начинает вырисовываться третья из представленных выше альтернатив: либералы создали общество, где о человеке судят не по его поступкам, а по его словам о самом себе. Здесь сразу же возникает масса вопросов. Поскольку речь идет об обществе в целом, то это означает, что как минимум большинство или подавляющее его большинство, а может быть, и все население вынуждено жить по навязанным либералами правилам: судить о человеке исключительно по его словам, в то время как дела с ними расходятся, поскольку автор противопоставляет слова поступкам, т. е. речь идет об обществе лжецов, лицемеров, фарисеев и т. п. И либералы – первые и самые главные в этих рядах: они провозглашают соответствующие ценности, но поведение их этим ценностям не соответствует. Есть в обществе, по всей видимости, и некоторое честное меньшинство – это, прежде всего, «консерваторы определенного типа», к которым Молер относит себя и которые выступают против подобной политики либералов. Хотя автор прямо и не говорит про это честное меньшинство, но иной вывод из данной цитаты «свой» читатель вряд ли сделает, ибо именно он как «консерватор определенного типа» не может простить либералам, что они создали такое (плохое, лживое) общество, и поэтому было трудно подозревать его в том, что он сам (и его политический лагерь) живет по этим лицемерным стандартам и в то же время критикует за это либералов, относясь к ним крайне враждебно. Однако, с другой стороны, если таково **общество, которое создали либералы**, то и Молер со товарищи вынуждены лгать и изворачиваться – чтобы занять достойное место в этом ужасном социуме (попробуем пронаблюдать за схожим моментом в дальнейшем). В данном случае возникает все-таки важный вопрос о том, кто такие либералы в представлении Молера? В либеральной доктрине нет установок строить общество лицемеров и фарисеев, значит, те, кто его построил, не являются либералами, даже если сами себя так называют, либо, рассуждая ближе к мысли автора, либералы по ошибке, сами того не желая, создали подобное

общество и в итоге перестали быть либералами, поскольку их поведение не соответствует либеральным лозунгам, а потому Молер совершенно верно и обоснованно их критикует, и его необходимо только поприветствовать в этой важной для всех работе. Однако из имеющегося пока в этом тексте содержания вновь напрашивается другое название для данного эссе – «Против псевдолибералов» или «Против либералов, которые перестали быть либералами».

Рассматриваемый нами авторский дискурс внешне строится по стандартной модели: тезис и аргументация в его обоснование, т. е. формально данная схема предполагает предъявление некоторых доказательств. Подобная модель должна создать у читателя ощущение солидной фундированности претензий автора к своим оппонентам, точнее, к «врагам номер один для консерваторов определенного типа». Тезисы: «либералы – лжецы», они построили общество лжецов, ханжей, фарисеев. И вот обоснование, подтверждение, доказательство: «То, что я не так далёк от истины, подтверждается и одной из тактик, используемых Рудольфом Аугштайном. В те времена, когда правым ещё не отказывали в дискуссии, все споры с ними Аугштайн начинал с предупреждения: не делать различий между “этикой убеждения” и “этикой ответственности”. Будучи неглупым человеком, он знал уязвимое место всех либералов» [Молер 2024, с. 22–23]. Далее Молер со ссылкой на Макса Вебера разъясняет эти понятия: этика убеждения – это стремление получить признание посредством добрых намерений (убеждений), а этика ответственности – признание только таких моральных требований, которые могут быть выполнены и накладывают на предъявляющих эти требования обязательства вести себя в соответствии с ними.

Итак, представитель либерального лагеря, причем «неглупый человек», знающий «уязвимое место всех либералов» (такое позитивное замечание в адрес одного оппонента, безусловно, повышает вес его свидетельств, которые Молер использует для разоблачения остальных своих оппонентов), в ходе дискуссий с правыми предупреждал (в качестве «одной из тактик») не делать различий между этими понятиями, т. е. нам стоит уяснить, что для всех либералов (исходя из ссылки на одного из них, который знал их слабое место и поэтому олицетворяет собой весь лагерь таковых) одних добрых намерений (слов) – вполне достаточно, и не надо предъявлять требований к тому, чтобы реализовать их на практике. Вот так вот! Это предупреждение (причем лишь в качестве «одной из тактик») некоего Аугштайна в ходе каких-то там дискуссий с правыми, оказывается, с головой выдает всех либералов, весь их лагерь и доказывает, что последний виновен в построении общества лицемеров и лжецов – это именно то, что Молер хочет подтвердить отдельным взятым случаем, приписывая Аугштайну еще и мотивы (желание спрятать «уязвимое место всех либералов»), по которым он иногда использует эту тактику – чтобы консерваторы не «взломали» слабое место либералов. И что это доказывает? – зададим мы такой вопрос и предложим свой ответ: абсолютно ничего, за исключением лишь того, что Аугштайн, по свидетельству Молера, как будто бы не разделял эти понятия в ходе каких-то там дискуссий. Даже не зная этих конкретных дискуссий (Молер не конкретизирует и не указывает никаким образом нам на них – нет никаких ссылок и проч.), предупреждение Аугштайна можно понять как вполне приемлемый вариант интерпретации заключительной мысли М. Вебера из его доклада «Политика как призвание и профессия», где он указал, что «этика убеждения и этика ответственности не суть абсолютные противоположности, но взаимодополнения, которые лишь совместно составляют подлинного человека, того, кто может иметь “призвание к политике”» [Вебер 1990, с. 704]. В каких-то случаях надо ориентироваться на одну, а в других – на другую этику, а в каких-то и, по всей видимости, в большинстве случаев эти понятия разделять не надо, так как они «не суть абсолютные противоположности, но взаимодополнения». Это с одной стороны, а с другой – автор ведь сам выше утверждал, что либералы, в отличие от других левых, не «могут сказать о себе хотя бы части правды» (поэтому с ними «никакого взаимопонимания быть не может»), а потом уже прямо обвинял их во лжи, в создании общества лжецов. И тогда все то, что

говорят либералы, а в данном случае Аугштайн, – это ложь, и все их высказывания надо толковать с обратным знаком, т. е. намек Молера о разрыве либералами слов, добрых намерений и дел, нежелании нести ответственность за свои слова, за их реализацию на практике надо трактовать так, что либералы на самом деле их не разрывали, а как раз несут ответственность за свои слова и реализацию их на практике. А иначе введенное выше автором общее правило о тотальной ложности высказываний либералов не работает. Однако в любом случае мы становимся свидетелями возникшего противоречия в высказываниях автора.

Оценивая молеровский способ аргументации выдвинутых им в данном случае тезисов, можно назвать этот способ неуместным, ничего не доказывающим, погрязшим в противоречиях или же, еще короче, – покушением на доказательство с негодными средствами.

Следующий, второй фрагмент первой части эссе называется «Ограниченность либерализма», и в нем Молер пишет, что «либерализм характеризуется любопытным противоречием» [Молер 2024, с. 23], не замечая при этом противоречия своего собственного, и тоже не менее любопытного, а именно: он только что говорил, что ничего не имеет против либерализма как системы ценностей, но выступает против либералов, и в следующем же фрагменте говорит уже не про людей-либералов, а про доктрину и про общественно-политическое движение в целом, забывая про людей, которые этой доктрины и практики придерживаются (вообще данное разделение на людей-либералов, с одной стороны, и на общественно-политическое движение и доктрину, с другой, – одно из весьма абсурдных, но постоянно воспроизводящихся положений данного эссе).

Далее мы видим уже не одно, а несколько предельно любопытных молеровских противоречий: «В сегодняшнем мире, – пишет он, – либеральны все, и даже племенной вождь пытается заявить о себе с помощью либеральных лозунгов. Советская Конституция была одной из самых либеральных в мире. Несмотря на то, что либеральные притязания можно зафиксировать со времён Сократа, практическое их воплощение – явление весьма редкое и кратковременное. Что же касается геополитики – такие общества представлены разве что на одном проценте земной поверхности, если не меньше» [Молер 2024, с. 24].

Давайте разбираться с этими «образами» подробнее: то, что «в сегодняшнем мире либеральны все» (далее раскрывается, что в основном на словах), можно понять и как то, что эти лозунги находят всеобщее признание среди населения всей планеты – люди хотят быть свободными, равными, солидарными друг с другом, хотят, чтобы власть не превращалась в деспотическую, а функционировала бы на демократических, правовых началах и т. д. К сожалению, эти идеалы на планете еще далеко не реализованы, и ими достаточно часто лишь прикрываются – так, что «даже племенной вождь пытается заявить о себе с помощью либеральных лозунгов» (в традиционных, архаических обществах либеральный порядок установлен быть не может – это понятно каждому). И в чем здесь – в этом явном лицемерии явно нелиберального племенного вождя – противоречие или вина либерализма? При чем здесь вообще последний? Только при том, что его лозунги и цели соответствуют чаяниям народов, даже архаических, не говоря уже обо всех остальных.

Утверждение о том, что «советская Конституция была одной из самых либеральных в мире», позволяет нам усомниться в компетенции автора относительно доктрины марксизма-ленинизма и соответствующей ему практики, продолжавшейся в СССР три четверти прошлого столетия. Возможно, что столь явное недоразумение – считать советскую конституцию одной из самых либеральных в мире – есть результат эффективной советской пропаганды, нацеленной на западную интеллигенцию, но в любом случае это недоразумение так и остается недоразумением, ошибкой, заблуждением. Важными постулатами либерализма являются стремление к ограничению деспотичной власти государства, создание системы сдержек и противовесов, эффективной, реальной, работающей на практике системы гарантий прав и свобод человека, демокра-

тического устройства, рыночных отношений, могущих существовать лишь на основе частной собственности, и т. д. Ничего подобного (кроме декларативно-фиктивного провозглашения прав и свобод трудящихся) в советских конституциях не было, поэтому их нельзя отнести не только к «одним из», но и вообще к либеральным юридическим документам. Указываем их во множественном числе, поскольку неясно, какую именно конституцию имеет в виду автор: либо действующую в момент написания им эссе (1990 г.) Конституцию 1977 г., либо одну из предшествующих, например Конституцию СССР 1936 г.? Если в 1990 году писать, что «Конституция была», то это значит сослаться не на действующий в тот момент Основной Закон СССР 1977 г., а на Конституцию 1936 г. либо на первоначальный текст Конституции СССР 1977 г. В этом последнем случае возникает еще одна парадоксальная интерпретация рассматриваемого утверждения («была одной из самых либеральных в мире»): в декабре 1989 года в действующую Конституцию СССР 1977 г. был введен институт конституционного надзора – необходимый орган для создания в обществе основ конституционализма – важной идеи либерализма; в марте 1990 года в нее был внесен еще ряд серьезных изменений в направлении либерализации советского государства и общества. Отменялась однопартийность и руководящая роль КПСС, учреждался пост Президента СССР, в главе «Экономическая система» вместо фразы (в ст. 10), что «основу экономической системы СССР составляет социалистическая собственность на средства производства в форме государственной (общенародной) и колхозно-кооперативной собственности», было указано, что «экономическая система СССР развивается на основе собственности советских граждан, коллективной и государственной собственности»; было исключено упоминание о том, что «имущество, находящееся в личной собственности или в пользовании граждан, не должно служить для извлечения нетрудовых доходов», но включено положение, что «собственность гражданина СССР является его личным достоянием и используется для удовлетворения материальных и духовных потребностей, самостоятельного ведения хозяйственной и иной не запрещенной законом деятельности. В собственности гражданина может находиться любое имущество не только потребительского, но и производственного назначения...». И хотя «вещи» не назывались своими именами – частная собственность, рынок и т. д., фактически вводилась возможность создания рыночного хозяйства в СССР. В итоге буквального толкования авторского утверждения получается, что советская Конституция ранее «была одной из самых либеральных в мире», а после произошедших в направлении либерализации поправок перестала таковой быть. Если же брать большевистскую Конституцию 1936 г., закрепившую положение о том, что «политическую основу СССР составляют Советы депутатов трудящихся, выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата» (ст. 2), и имевшую целью «борьбу за построение коммунистического общества» (ст. 126), и исходный текст Конституции 1977 г., в которой отмечалось, что государство, «выполнив задачи диктатуры пролетариата, ... стало общенародным», и где еще больше «возросла руководящая роль Коммунистической партии», то они не имеют ничего общего с либерализмом. Поэтому «любопытное противоречие» либерализма (в качестве примера которого немецкий публицист привел проанализированное высказывание) можно обнаружить лишь в голове Армина Молера.

Следующее утверждение – о том, что «либеральные притязания можно зафиксировать со времен Сократа», – позволяет предположить, что любое стремление к свободе автор относит к либерализму: видимо, самым ярким из них можно назвать восстания рабов. Правда, рабство, а потому и различного рода притязания рабов на свободу (но в данном случае не восстания, о наличии которых в ранние периоды истории нам неизвестно и, скорее всего, их тогда не было в силу особенностей патриархального рабства) можно зафиксировать и в доисторический гомеровский, т. е. далекий от «времен Сократа» период. Почему отсчет здесь ведется «со времен Сократа», неясно.

В итоге подобного рода анализа высказываний и утверждений автора возникает самый главный вопрос: что именно Армин Молер понимает под либерализмом? Из приведенной выше совокупности положений можно сделать вывод, что последний понимается автором чрезмерно, практически безгранично широко, поскольку он включает в него замеченные им еще с античного периода некие «либеральные притязания», а также явления, никакого отношения не имеющие к либерализму в классическом его понимании: для автора достаточно лишь провозглашения либеральных лозунгов (племенным, т. е. авторитарным лидером), а также упоминания в документах типа советской Конституции слов «свобода», «права» и т. д. И в контексте такого почти безбрежного понимания либерализма вывод автора о том, что на практике подобные режимы почти не встречаются, звучит очень странно и представляется противоречивым, а потому крайне неубедительным. Он пишет, что практическое воплощение соответствующих лозунгов – «явление весьма редкое и кратковременное. Что же касается геополитики – такие общества представлены разве что на одном проценте земной поверхности, если не меньше» [Молер 2024, с. 24]. Итак, 1 %, если не меньше. Возьмем статистику распространения демократических, либерально ориентированных режимов в мире, которая приводится в работе известного политолога С. Хантингтона: из всех государств, существовавших в 1990 году в мире (год написания анализируемого эссе), демократических государств, по его подсчетам, было 45,4 % (59 из 130) [Хантингтон 2003, с. 32–37]. Существуют различные рейтинги эффективной, т. е. реальной (а не фиктивной – электоральной, персоналистской, нелиберальной и т. п.) демократии, неразрывно связанной с соответствующим либеральным обществом и правовым государством, и если мы посмотрим, например, на известные данные за 1990 год, то из всех 167 государств и относящихся к ним территорий (каковых 60) на тот момент в мире свободных было 49,78 % (из 227 вместе с территориями), частично свободных – 20,71 % и несвободных – 29,52 %. Понятно, что количество свободных, либеральных режимов будет варьироваться в зависимости от критериев, которые используются в каждом случае для определения демократических, либеральных государств (и связанных с ними территорий). Однако мы видим, что в указанных двух случаях процент либерально-демократических государств близок друг к другу и составляет чуть менее половины (45,4 % и 49,78 %), а у Молера – всего 1 %, «если не меньше»: разница в 50 и более раз, что позволяет предположить, что публицист Молер и специалисты в области демократических либеральных режимов говорят о совершенно различных понятиях. Последние объясняют свою методологию, свой выбор и итоговые результаты, у первого же ничего подобного мы и близко не найдем – только какие-то образы, метафоры, «интуиции» и все в таком роде. И очередное молеровское противоречие вновь бросается в глаза: с одной стороны, «в сегодняшнем мире либеральны все...», а с другой – государств либерального плана в мире насчитывается менее одного процента («что же касается геополитики», то «такие общества представлены разве что на одном проценте земной поверхности, если не меньше»).

Неопределенность содержания понятия «либерализм» приводит к неясности и того, в чем же заключается его «любопытное противоречие». Если в том, что провозглашенные им идеалы и лозунги становятся бесспорной ценностью и целью для населения планеты в самых разных ее уголках, а первые притязания подобного рода можно было зафиксировать еще с сократовских времен (что говорит об их глубинных корнях в истории и потребностях человечества, более глубоких даже, как мы предположили, чем античность), то это отнюдь не противоречие, а величайшее преимущество либерализма. Если «любопытное противоречие» последнего в том, что авторитарные и тоталитарные субъекты и режимы используют эти лозунги для эксплуатации притязаний народа на свободу, равенство и безопасность, прежде всего в отношениях с властью, то это – противоречие не либерализма, а ложь и манипуляции соответствующих субъектов и режимов.

Далее автор, забыв о либералах, рассматривает «главную политическую проблему либерализма» [Молер 2024, с. 25–26], которая заключается в том, что «либеральная практика возможна только в том случае, если сохраняются определенные традиционные (читай: консервативные. – А. С.) привычки и глубоко укоренившиеся (читай: консервативные. – А. С.) обычаи, которые помогают обществу преодолевать трудности. Если говорить прямо: шесть консервативных веков позволяют двум поколениям быть либеральными, не навлекая при этом на себя беды. Но как только этот запас общественной прочности израсходован, даже самые благонамеренные либеральные лозунги превращаются в фитиль пороховой бочки. Наиболее сознательные либералы порой и сами признают это» [Там же, с. 25]. Читатель сразу же сориентировался и догадался (поэтому мы в качестве одного из читателей и добавили выше соответствующие комментарии в скобках), что имеются в виду традиции и обычаи консервативные, естественно. И далее автор льстит самолюбию читателя, подтверждая догадку последнего, и уже прямо пишет про шесть консервативных веков (если считать по двадцать лет на поколение, то таковых должно быть не менее тридцати), на которых может спокойно, не навлекая на себя беды, **существовать** (но если следовать в фарватере идей автора и особенно его эмоционального накала, то напрашивается, конечно, слово «**паразитировать**») всего лишь два поколения либералов.

В «Консервативной революции в Германии...» автор, процитировав своих предшественников, которые «трактуют консервативное не как возвращение в то, что было вчера, а как жизнь на основе того, что будет всегда», добавляет: «То есть консерватор не живет будущим, как прогрессист, и не живет прошлым, как реакционер – он живет сегодняшним днем, в котором объединены и настоящее, и прошлое, и будущее» [Молер. Консервативная революция ... 2017, с. 179–180], поскольку в этом извечном течении времени основу для консерватора составляет то, что «будет всегда», т. е. некий инвариант, некоторое вечное начало. Что ж, сказано красиво по форме, но весьма неопределенно по содержанию, поскольку ни в указанной работе, ни тем более в эссе «Против либералов» не раскрывается перечень того, что есть и будет всегда, что составляет «традиционные привычки и глубоко укоренившиеся обычаи», которые формируют запас общественной прочности. Но ведь традиции бывают как минимум двух видов – полезные и вредные для общества, более или менее единодушно признаваемые им в качестве таковых, независимо от политических пристрастий (при учете последних перечень тех и других традиций может измениться): от одних традиций общество стремится избавиться, другие – бережет и сохраняет. Какие именно традиции имеет в виду Армин Молер? Если не уточнять, какие именно, то, наверное, те, которые общество желает сохранить? И какая тогда здесь заложена идея? Та, что в обществе всегда есть и будут традиции и без них оно существовать не может? Так эта мысль давно признана в социальных науках, и поэтому ее можно назвать общеизвестной и даже в каком-то смысле банальной. Однако она красиво подана автором через утверждение о том, что без (читай) консервативных традиций «даже самые благонамеренные либеральные лозунги превращаются в фитиль пороховой бочки». В подтверждение идеи о необходимости традиций в жизни любого общества (и общеизвестности этого факта) можно напомнить, что попытки разного рода революционных режимов, типа Октябрьского государственного переворота 1917 года или культурной революции в Китае, нацеленные на разрушение значительного числа исторических традиций и культуры соответствующего народа, с одной стороны, приводят общество к тяжелейшему кризису, а с другой – показывают, что многие традиции уничтожить крайне сложно либо попросту невозможно (если только не уничтожить физически население как их носителя). Но только вот обвинять именно либералов в подобного рода революционных порывах – попытках перестроить общество – вряд ли уместно, ибо подобным революционным рвением отличаются тоталитарные, в том числе и главным образом коммунистические, проекты, не имеющие отношения к либерализму.

Важнейшая роль традиций, обычаев, устойчивых практик в жизни и развитии общества отмечается и в учении либерализма. Так, один из его классиков, Ф. фон Хайек, подчеркивает их роль, несмотря на то что защита традиций может повлечь за собой «обвинение в консерватизме мысли». Он пишет: «Пусть так, но у меня нет ни малейших сомнений в том, что именно моральные традиции, на основе которых одни общественные группы получают преобладание над другими, в большей мере, чем интеллектуалы со своими проектами, сделали возможным прогресс в прошлом и обеспечат его в будущем»; важна и другая мысль классика: «Утверждение о том, что эффективность наших действий исключительно или преимущественно обязана знанию, которое может быть выражено словами и, таким образом, может стать явной посылкой силлогизма, попросту ошибочно. Многие общественные институты, представляющие собой необходимое условие успешного достижения сознательных целей, по сути дела, являются результатом обычаев, привычек или установившихся практик, которые не были изобретены и соблюдаются без преследования какой-либо цели» [Хайек 2006, с. 491, 30].

В качестве доказательства того, что без консервативной составляющей «даже самые благонамеренные либеральные лозунги превращаются в фитиль пороховой бочки», немецкий публицист приводит слова «наиболее сознательного либерала» – «предпринимателя из Дюссельдорфа» Карла Циммерера – как одного из тех, кто и «сам признает это»: «Мы слишком далеко зашли с либерализмом, превратившись из проповедников “свободы для” в идеологов “свободы от”». Либерализм больше не является синонимом ответственности, долга и достижения экономического прогресса, но встаёт на сторону анархизма, хаоса, безумия и прежде всего экспроприации» [Молер 2024, с. 25–26]. Наукообразная форма сохраняется: тезис – про пороховую бочку по причине либеральной политики и аргументация – про анархию, хаос и безумие. Причем в последнем случае ссылка на самих же либералов (как и в предыдущем – на «неглупого человека» Аугштайна, который «знал уязвимое место всех либералов»), безусловно, должна подействовать на читателя почти магически – ведь в качестве доказательств ему предъявляют саморазоблачения либо «неглупого человека», либо «наиболее сознательного либерала», а не рассуждения автора, который прямо и честно объявил себя заинтересованным в критике либералов лицом, а значит, убедительнее будет предъявлять признательные показания из лагеря критикуемых им лиц. Внешне это – очень хороший полемический прием, а его автора – Армина Молера – можно назвать талантливым диспутантом, при условии, однако, что для восприятия его аргументов надобно строго следовать лишь за каждым конкретным образом и эмоцией, образом порождаемой, забывая все, что говорилось несколькими абзацами ранее, и, кроме того, желательно, чтобы при этом читатель «отключил» еще и логику. Так, метафора фитиля пороховой бочки (тезис) хорошо сочетается с образами «анархизма, хаоса, безумия» (в аргументации). Относительно же отключения логики вновь, как и ранее, напомним общую посылку автора о том, что либералам верить нельзя, ибо они, в отличие от других левых, не «могут сказать о себе хотя бы части правды» (поэтому с ними «никакого взаимопонимания быть не может») и в результате создали общество лжецов, а иное общество, которое бы не соответствовало их главной особенности – двуличию, лживости, они и создать-то не могли в принципе. Причем эту общую посылку о лицемерии, двуличии либералов автор на разные лады повторяет и позже, обвиняя их, например, в «фокусничестве» (напрашиваются синонимы: шулерство, трюкачество и т. д.): «Защитники либерализма стремятся опровергнуть это... Но все это – фокусничество. На самом деле...» [Там же, с. 27]. Особенно «умиляет» уверенность автора в том, что он-то знает, как «на самом деле». Таковую его позицию – обладателя истины в последней инстанции – мы найдем и далее: «... критик либерализма, который не просто констатирует симптомы болезни. А зрит в ее корень...» [Там же, с. 28]. Понятно, что автор в таких случаях не называет своего имени, но другого вывода читатель сделать не сможет: да, это именно он – Армин Молер, который знает, как «на самом деле», и который «зрит в корень»! Непокоримая авторская уверенность в предлагаемых своему читателю тезисах, независимо от

их разумности, доказательности и адекватности, позволяет нашему публицисту создать мощный «ореол» компетентности, значимости, солидности и т. п., который, однако, быстро исчезает, как только начинаешь воспринимать его высказывания всерьез, проверять их на предмет логичности и обоснованности.

И опять же, при постоянно воспроизводимой отрицательной характеристике своих оппонентов в плане их способности (точнее, неспособности) говорить правду, вновь в качестве аргумента дается ссылка на мнение либерала. Но ведь тогда его слова – очередная ложь, и их надо понимать с обратным знаком или отбрасывать как недостойные внимания: недостоверная информация и отсутствие таковой мало чем отличаются друг от друга. И само по себе цитируемое выше высказывание Карла Циммерера тоже порождает вопросы, но уже не к автору слов, а к тому, кто приводит их в своем эссе: если либерализм «встаёт на сторону анархизма, хаоса, безумия и **прежде всего экспроприации**», то он перестает быть либерализмом и, следовательно, претензии к последнему со стороны Циммерера и Молера совершенно неуместны (если не «отключать» логику). Либерализм и анархизм – это разные доктринальные и общественно-политические течения, а «прежде всего экспроприация» – это и вовсе дело рук коммунистов, которых Молер относит, однако, совершенно ошибочно к либералам, поскольку утверждает, что «советская Конституция была одной из самых либеральных в мире». Цитируемое высказывание Циммерера аналогично, например, такому: этот мужчина в результате своего безответственного, развратного поведения дошел до того, что забеременел. Если не «отключать» логику (и отбросить встречающиеся сегодня псевдонаучные гендерные «исследования» вокистской направленности), то мы оказываемся перед альтернативой, одна из частей которой без какого-либо разумного сомнения ложная: либо этот человек – не мужчина, либо он не забеременел. Так и в казусе Молера – Циммерера, о чем и сказано выше: либо это не либерализм, либо он не дошел до анархизма, безумия и прежде всего экспроприации⁵, а все это осуществляют какие-то иные политические силы. Однако даже если разрешить данную альтернативу тем или иным образом, то эмоциональное ощущение того, что в одном случае упомянутый человек независимо от пола, а в другом – учение-течение предстают в крайне негативном свете, все равно остается («либерализм больше не является синонимом ответственности, долга и достижения экономического прогресса», и эта фиктивная по сути своей констатация «факта» ужасна сама по себе). Создать такое эмоциональное ощущение у читателя – это уже кое-что, пусть минимальное, но достаточное основание для того, чтобы опорочить, очернить, а по сути оболгать либерализм.

И еще. Сформулировав «главную политическую проблему либерализма» (напомним, что про либералов у Молера уже давно речи нет: он критикует либерализм, т. е. провозглашаемые им ценности, против которых, по его словам ранее, он якобы «не имел ничего»), состоящую в том, что он, с одной стороны, должен опираться на общественные традиции, глубиной как минимум «шесть консервативных веков», а с другой –

⁵ Интересно было бы узнать, где эти авторы увидели в ФРГ экспроприацию?! Принудительное отчуждение собственности в Германии допускается только для общего блага, на основе закона и справедливого возмещения с учетом общих интересов и интересов сторон, а в случае спора о размерах возмещения оно может устанавливаться в судебном порядке, – гласит пункт 3 статьи 14 Конституции ФРГ. Статья 15 говорит о возможности передачи в общественную форму собственности земли, природных богатств и средств производства путем возмещения, указанного в пункте 3 статьи 14. Экспроприация – это не принудительный выкуп для общего блага по справедливой цене, а принудительное и безвозмездное изъятие собственности, которое сопровождается к тому же, как правило, физическим уничтожением собственников. Последнее закономерно вытекает как из марксистско-ленинской доктрины «грабить награбленное», так и из революционной практики построения соответствующих режимов в истории. И Молер присоединяется к мнению про «прежде всего экспроприацию»?! Возможно, что авторы (ошибочно) называли так проводимый с конца 1950-х и в 1960-е годы правительством ФРГ курс на частичную приватизацию крупных государственных активов, доставшихся в наследство от Третьего рейха, – инициированный Людвигом Эрхардом курс на «народные акции» (приватизация PreussAG в 1959-м, Volkswagen в 1961-м и др.)?

может это делать безболезненно не более двух поколений (после чего благонамеренные либеральные лозунги превращаются в фитиль пороховой бочки), автор приводит процитированное выше высказывание Циммерера. Оно к какому из данных, составляющих «главную политическую проблему либерализма» тезисов относится? Какой из них оно тем или иным образом подтверждает, доказывает? Циммерер, хотя его высказывание и противоречиво, не говорит, тем не менее, ни об отказе от опоры на традиции, ни о шести консервативных веках, ни о двух поколениях либералов, он лишь добавляет к критике Молера указание на то, что либерализм, по его мнению, перестал быть синонимом ответственности и проч. Читатель, видимо, сам должен соединить намеки автора в удобочитаемый посыл следующего содержания: после более или менее благополучного существования либерализма в течение жизни двух поколений наступил, наконец-то, момент, когда эта доктрина вот-вот потерпит полный крах (после того, как фитиль догорит до содержимого пороховой бочки). Что сказать, «поэтический» текст Молера читается весьма органично потому, что выдуманной им метафоре с фитилем пороховой бочки действительно вполне соответствует притянутый им за уши Циммерера образ анархии и безумия. Но не более того.

Следующий фрагмент эссе, «Мысли, приходящие в три часа утра», начинается с весьма любопытной фразы: «Неужели либералы настолько оторваны от реальности?» [Молер 2024, с. 27]. Автор заранее считает бесспорной мысль (и поэтому не утруждает себя ее доказательствами) об оторванности его оппонентов от реальности. При этом удивление у него вызывает лишь то, что этот отрыв столь разительный и столь гигантский, что он даже использует слово «насколько», приглашая читателя «перепрыгнуть» через констатацию не доказанного им факта оторванности и удивиться вместе с ним ее неимоверному размеру. Это весьма дешевый манипулятивный, откровенно демагогический прием, очень похожий на вопрос: «Когда вы перестали бить свою жену?» Далее приводится мнение защитников либерализма, которые, полемизируя, указывают – внимание – «на наличие иного типа либерала – способного к практической деятельности и достаточно хорошо ориентирующегося в действительности» [Там же]. Почему внимание? Потому что мнение либералов приводится в форме частичного, косвенного согласия с мнением Молера: про оторванность от реальности либералы молчат, ибо совершенно очевидно, что сказать по этому поводу им нечего (ведь молчание – это, как мы знаем, обычно знак согласия), но только слабо возражают, что наряду с оторванным от реальности типом имеется-таки и иной тип либералов. И далее Молер легко «опровергает» даже такое слабое возражение (о типичных способах молеровского опровержения уже упоминалось выше): «Но все это – фокусничество. На самом деле речь идет о двух совершенно разных человеческих типах, один из которых уходит в небытие (эх, да, были практичные либералы в свое время. – А. С.), уступая свое место другому. Можно сказать проще: одни – это “настоящие либералы”, а другие лишь кажутся таковыми. Выразимся более нейтрально: одни – изобретатели либерализма, а другие – его выгодоприобретатели. При этом мы не станем исключать, что время от времени возможен переход из первой категории во вторую» [Там же]. Последнее утверждение заслуживает особого внимания: автор не указывает, когда именно («время от времени» – критерий крайне неопределенный), в связи с чем и почему «возможен переход из первой категории во вторую», а значит, в любой момент, когда ему будут предъявлены факты, противоположные сделанному им утверждению об оторванности либералов от реальности, он сошлется на то, что в данном конкретном случае совершился «переход из первой категории во вторую», и так до бесконечности. В 1990-е годы в России была распространена игра в наперстки, и выиграть у ведущего такую игру в силу его талантливых манипуляций (а по сути – махинаций, *фокусничества*; используем лексику Молера, не более того) было невозможно. В данном случае мы являемся свидетелями интеллектуального наперсточничества, когда «свои» одобряют, а «чужие» в окружении и при безоговорочной поддержке «своих» никогда не выигрывают в этом поэтичном мошенничестве.

Итак, легко «расправившись» с «выгодоприобретателями», в следующем же абзаце автор переходит к анализу «настоящих либералов», которые, как можно понять из предыдущего изложения, не были оторваны от реальности. Но от этой на мгновение появившейся мысли в пользу хотя бы одной категории либералов придется тут же отказаться, поскольку автор пишет про них следующее: «Все изобретатели либерализма – жертвы самого распространенного духовно-интеллектуального расстройства: мании разумности (Intelligibilitäts-Wahn – с пятью “i”, пожалуйста). Его суть заключается в отождествлении с миром как целым того, что у человека в голове, и это, конечно же, является огромной переоценкой человеческих способностей. Как может человек, постоянно находящийся в плену своей ограниченности, несовершенства и конечности, вообще прийти к идее, что он способен охватить своим разумом весь путь развития мира во всем его огромном многообразии (от «способен охватить» и далее по тексту – очень похоже на описание Демона Лапласа, отвергнутого наукой. – А. С.)?! Над этим можно смеяться, но это заблуждение имеет свои последствия. Пребывающий в нём точно знает, что хорошо и правильно и как это осуществить. Он не понимает, что жизнь идёт зигзагом. Он не понимает, что для того, чтобы хотя бы наполовину приблизиться к истине, сначала нужно не раз ошибиться. Полагая, что знает путь, он указывает его и самоуверенно рисует жирным пунктиром на карте, которая представляет собой лишь белую поверхность, лишённую контуров и света» [Молер 2024, с. 27–28]. И здесь, как всегда, мы имеем красивые образы, создающие ощущение болезненности людей, страдающих манией разумности. А теперь посмотрим, что по этому поводу говорят классики либерализма.

Двумя абзацами выше приведенной здесь цитаты автор упоминал Фридриха фон Хайека и Милтона Фридмана, поэтому обратимся к одному из них. В 1970-е годы первым были последовательно опубликованы три тома, объединенные позже (в начале 1980-х годов) в книге под названием «Право, законодательство и свобода». Одной из важнейших сквозных идей этой классической работы по теории либерализма было как раз обоснование ограниченности и несовершенства человеческого разума, обоснование невозможности не только отдельного человека, но и человечества в целом «охватить своим разумом весь путь развития мира во всем его огромном многообразии», т. е. обоснование всего прямо противоположного тому, что Молер пытается приписать либерализму. Так, введение к первому тому классика современного либерализма открывается эпиграфом авторства Г. Ферреро, который ярко выражает эту идею: *«Есть только одно решение проблемы: элита человечества должна прийти к пониманию ограниченности человеческого разума, одновременно и поверхностного, и глубокого, исполненного и смирения, и дерзновенности, так чтобы западная цивилизация смогла примириться с его неустранимой ущербностью»* [Хайек 2006, с. 20]. Хайек пишет о том, что человеку свойственно ошибаться⁶, а также о специализации знаний в общественных науках (в экономической теории, юриспруденции, политологии, социологии и этике), что затрудняет познание того, как устроено общество (и увеличивает возможность принятия ошибочных решений). Он пишет о фрагментации знаний – о том, что каждый из членов общества может обладать лишь малой долей общего знания, в силу чего каждый пребывает в неведении относительно большинства фактов, на которых покоится функционирование общества, а также о невозможности человека «усвоить все то количество фактов, от которых зависит успех деятельности в обществе. И вся наша цивилизация, таким образом, неизбежно покоится на нашем *доверии* к вещам, истинность которых мы не в состоянии *знать* в картезианском смысле» [Там же, с. 31], ибо полная рациональность в картезианском смысле требует исчерпывающего знания всех существенных фактов, что невозможно в силу ограниченности человеческого разума. И далее: «Существует огромное искушение начинать, в первом приближении, с допущения о том, что мы знаем все, что нужно для полного объяснения или

⁶ О возможности совершения ошибок в процессе дискурсивного образования мнений и воли пишет также и Ю. Хабермас [Хабермас 1995, с. 74].

контроля. Зачастую предполагается, что это временное допущение не имеет особых последствий, так что позднее его можно будет отбросить без большого ущерба для выводов. Но неизбежное неведение относительно большинства частных, образующих порядок Великого общества, служит источником центральной проблемы всего социального порядка...

Именно наше неустранимое неведение относительно большей части отдельных фактов, определяющих ход общественных процессов, является причиной того, что большинство социальных институтов именно таковы, каковы они есть.

...Структура человеческой деятельности постоянно адаптируется (и функционирует путем адаптации) к миллионам фактов, которые в своей совокупности не известны никому. Значение этого процесса наиболее очевидно в области экономической жизни, где на него впервые и обратили внимание» [Хайек 2006, с. 31–32]. К проблеме ограниченности возможностей человеческого познания Хайек обращается и во второй книге [Там же, с. 176 и далее], и в третьей: «На исчерпывающее знание претендуют только дураки, имя же им легион» [Там же, с. 451].

Другой представитель классической либеральной политической философии, Карл Ясперс, в работе «Смысл и назначение истории» писал: «Тотальное знание невозможно... Жить можно, только приняв решение действовать во имя свободы... но с полным смирением, с сознанием того, что результат всего этого нам неведом» [Ясперс 1991, с. 197, 200]. Наконец, в более раннем классическом труде – знаменитом эссе Джона Стюарта Милля «О свободе» – в защиту идеи свободы вообще и свободы слова в частности приводились такие аргументы: «при несовершенном состоянии человеческого ума интересы самой истины требуют существования различных мнений» [Милль 2014], а также «что человечество не непогрешимо, что его истина есть по большей части только полупричина... и что различие в мнениях не есть зло, а добро... все это имеет такое же значение и по отношению к действиям людей, как и по отношению к их мнениям» [Там же].

Где здесь, в работах классиков либеральной мысли, можно обнаружить «манию разумности»?!! Каких либералов имеет в виду Молер?! Некоторых из тех, которые полагали так за 200–250 лет до высказываний Молера? Или же консерватора Пьера-Симона Лапласа (1749–1827) с его демоном (манией разумности) наш публицист ошибочно записал в либералы? Но тогда надо было сделать оговорку, что имеется в виду какой-то конкретный мыслитель, указав его фамилию, чтобы можно было либо вскрыть ошибку Молера, либо, если это действительно какой-то сторонник раннего либерализма, напомнить публицисту, что указанной доктриной данный взгляд был преодолен. Не вызывает, однако, сомнений, что немецкий публицист пишет о своих оппонентах-современниках, ошибочно приписывая им давно преодоленную ими, если принять за предпосылку, что она у них ранее была, манию разумности. У нас нет никаких оснований предполагать, что Молер умышленно искажает доктрину либерализма, так как от его текстов веет явной искренностью и убежденностью в правоте своих взглядов. Хотя кто его знает? Скорее всего, он просто-напросто не знаком с доктриной либерализма, не обладает необходимой компетенцией для ее анализа и тем более критики.

Особенно парадоксальным является то, что, по сути дела, против мании разумности выступал один из руководителей⁷ диссертации будущего немецкого публициста – Карл Ясперс, выпустивший процитированную выше работу в 1949 году, т. е. в год защиты Армином Молером своей диссертации (время того или иного общения с К. Ясперсом). Не знать взглядов, не читать трудов своего научного руководителя – это что-то очень странное, необъяснимое... Но, возможно, Молер все это просто забыл? Либо перепутал и проанализировал взгляды людей, которые не являются либералами, но выдают (или даже не выдают) себя за таковых, либо, не будучи хорошо знаком с либеральной доктриной, он посчитал, что критикует либералов, опираясь на те идеи, которые они

⁷ Вторым руководителем был Герман Шмаленбах [Молер. Консервативная революция ... 2017, с. 16].

сами критикуют? И здесь на помощь немецкому публицисту приходят ненавистные ему либералы, которые в лице Хайека отмечают, что ни один человек не знает и не может знать большую часть конкретных фактов, в том числе – добавим для данного случая – научных фактов, утверждений, тезисов, принципов той или иной доктрины. Но не знать важных, существенных, ключевых положений критикуемой автором доктрины, конечно же, очень прискорбно.

Следующий пассаж Армина Молера посвящен критике им либеральных представлений об индивиде: «Разве для либерала индивид не является высшей ценностью, вокруг которой и строится всё его мышление? ... Критик либерализма, который не просто констатирует симптомы болезни, а зрит в ее корень, заявляет: индивида не существует. Это изобретение, выдумка. Представление об автономном “индивиде”, столь дорогое сердцу либерала, – худшая из всех абстракций. Осознать это очень просто: каждый человек является частью жизненного контекста, через который он мыслит себя и на который реагирует. Он укоренён в своей семье или в своих связях с другими людьми и имеет связь с окружающим ландшафтом (даже если это ландшафт мегаполиса). Он ведёт себя в соответствии с исторической ситуацией, в которой оказался, и той задачей, которую перед собой поставил. Человека возможно постичь только через его действия...» [Молер 2024, с. 28–29]. В данном случае можно согласиться с автором в том, что понятие индивида действительно является одним из важнейших в доктрине либерализма. Иногда даже всю эту доктрину в целом называют «индивидуализмом», а точнее – «истинным индивидуализмом», противопоставляя последний индивидуализму ложному, поскольку в истории общественно-политической мысли указанные понятия трактовались по-разному (вплоть до противоположных значений), и важно разобраться с их истинным пониманием либералами.

В статье «Индивидуализм: истинный и ложный» Ф. Хайек разбирает основные принципы либерализма и пишет: «Каковы же в таком случае характерные особенности истинного индивидуализма? В первую очередь это теория общества, попытка понять силы, определяющие общественную жизнь человека, и только во вторую – ряд политических максим, выведенных из подобного представления об обществе. Этого достаточно, чтобы опровергнуть наиболее нелепое из распространенных недоразумений – убеждение, что индивидуализм постулирует существование обособленных и самодостаточных индивидов (или основывает на этом предположении свои аргументы) вместо того, чтобы начинать с людей, чья природа и характер целиком обусловлены их бытием в обществе» [Хайек 2011, с. 7]. Эту мысль Ф. Хайек дополняет ссылкой на вывод, сделанный в работе А. Шаца «Экономический и социальный индивидуализм», опубликованной в Париже в 1907 году: «В своем превосходном обзоре истории индивидуалистических теорий Альбер Шац делает верный вывод о том, что “...прежде всего мы с очевидностью понимаем, чем индивидуализм не является – как раз тем, чем его обыкновенно считают: системой обособленного существования и апологией эгоизма...”» [Хайек 2011, с. 7; Шац 2021].

Итак, убеждение в том, что либерализм «постулирует существование обособленных и самодостаточных индивидов» или, как пишет Молер, автономных «индивидов», являющихся, по его убеждению, худшей абстракцией, вместо того, чтобы «начинать с людей, чья природа и характер целиком обусловлены их бытием в обществе» (у Молера – частью жизненного контекста – семьей, связями, ландшафтом), является «наиболее нелепым из распространенных недоразумений». Здесь трудно что-то добавить: в статье Ф. Хайека, написанной в 1945 году, почти за полвека до эссе Молера (1990), уже фиксируется, что рассмотрение индивидов как абстрактных, самодостаточных, обособленно существующих есть не просто недоразумение, а недоразумение, «наиболее нелепое из распространенных». Почему же немецкий публицист останавливает свой выбор на наиболее нелепом из распространенных недоразумений в отношении либерализма? Прежде всего потому, что оно – распространенное, а значит, его единомышленники, а возможно и противники, нечто подобное уже где-то слышали, где-то читали, и эв-

ристика доступности в данном случае будет работать на пользу автору, как ему это представляется. Это – с одной стороны, а с другой – потому, что на примере достаточно яркого противопоставления человека, являющегося частью жизненного контекста (ландшафта, истории, социальных связей и проч.), автономному индивиду (которого, по Молеру, еще к тому же и не существует) можно, как, по всей видимости, думается автору, наиболее изящно продемонстрировать оторванность либералов от реальности, и особенно легко это сделать для «своего» невзыскательного читателя, который не станет обращаться к текстам оппонентов, чтобы подтвердить слова своего сторонника.

В защиту Армина Молера следует сделать определенную оговорку, а именно: вполне возможно, что в каком-то или даже каких-то из многочисленных текстов сторонников либерализма за всю историю его существования, начиная с XVII–XVIII веков, можно найти абстрактный подход к индивиду, на что и надо было бы автору прямо указать, а не предъявлять в конце XX века претензии всему лагерю либералов, а значит, в конечном счете, всей современной доктрине, которая прошла тернистый путь своего развития и продолжает развиваться, освобождаясь от имевших место ранее заблуждений, ошибок и преувеличений.

В обоснование своего утверждения (т. е. «наиболее нелепого из распространенных недоразумений») автор приводит образную, поэтичную аргументацию: «“Индивидом” в том смысле, в каком это представляют себе либералы, он может быть только лишь проснувшись посреди ночи, часов около трёх – в то время, когда всё вокруг неподвижно, безмолвно и лишено мирской суеты, – именно тогда у него возникает ощущение, что он не имеет ничего общего с окружающим миром и в полной мере свободен от него. **Возможно, именно в такие моменты и зарождается всё зло...** Людям вообще трудно собраться в ранние утренние часы. С другой стороны, в это время людям становится проще предаваться ни к чему не обязывающим размышлениям. В три часа утра разум с лёгкой руки делает набросок нового мира, потому что существующий слишком сложен. Поэтому многие придумывают себе более простую реальность, в которой все расчёты и формулы сходятся. Такой мир лишён неразрешимых проблем...» (выделено нами. – А. С.) [Молер 2024, с. 29–30]. В этом почти художественном тексте читателю, на первый взгляд, ненавязчиво предлагается предположить, что **«возможно, именно в такие моменты и зарождается всё зло...»** Ощущение того, что «всё зло» идет от либералов, мягко вбивается в подкорку читателя путем встраивания данного образа в череду уже использованных ранее – таких как хаос, безумие, беда, фитиль пороховой бочки и т. д. При этом что каждое слово у автора – на вес золота: со «злом» все понятно, но здесь важно еще и местоимение «всё», т. е. мы понимаем, что «всё» – это буквально всё существующее в мире зло, и зарождается оно в указанное автором время в размышлениях либералов. Не будем забывать и о том, что все эти ужасы Молер никому не навязывает – он лишь пишет о своих интуициях, ощущениях, на что указывает введенный им в высказывание модус предположения – «возможно» ... Что ж, действительно, яркий, художественный стиль, поэтичная аргументация – в этом отношении возразить что-то крайне сложно, если вообще возможно... Следует поэтому согласиться с приведенным в статье Ф. Фомичёва «Молер как стиль» высказыванием Гётца Кубичека о том, что немецкий публицист «“научил так оттачивать выражения, чтобы они врезались людям в память. Не нужно всегда делать вид, что есть рациональные аргументы в пользу чего-то или искать этому научное обоснование – нужно просто сказать, что это так, а не иначе. Именно такая установка может быть гораздо более мощной, именно магнетической, чем блестяще продуманный академический текст”. Безрассудная дерзость резкого удара, высвобождение гештальта, вооружение языка, высокое признание значения формы, тактика нонконформизма – главное наследие Армина Молера» [Фомичёв 2024, с. 153].

Следующий небольшой фрагмент первой части эссе называется «Основной закон». В нем Армин Молер обрушивает весь свой публицистический пафос и талант на критику Основного закона ФРГ «со входящим в него перечнем основных гражданских

прав» [Молер 2024, с. 32]. Начинается данный фрагмент словами: «Конституция Федеративной Республики Германии – это настоящий памятник либеральной мысли. Придумать её можно только в три часа утра» [Там же]. Образ раннего утра показался автору, видимо, очень ярким и убедительным: это уже третий раз, как он использует его в первой части своего эссе (не считая названия фрагмента «Мысли, приходящие в три часа утра»), – и это вполне понятно, поскольку читатель явно еще не забыл высказанную публицистом несколькими страницами ранее гипотезу, более похожую на риторическую формулу, что **«возможно, именно в такие моменты и зарождается всё зло...»**. В такой переключке образов и намеков читатель легко сможет перенести облик этого вселенского зла и на «настоящий памятник либеральной мысли» с входящим в него «перечнем основных гражданских прав». А вот насчет памятника, как бы он ему ни не нравился, Армин Молер оказался прав: Конституцию ФРГ можно отнести к числу наиболее полноценных, в чем-то даже образцовых юридических документов, в которых закреплена либерально-демократическая доктрина, ведущие положения современного конституционализма. Основной закон Германии открывается состоящим из двух десятков статей разделом «Основные права», первая статья которого гласит: «(1) Человеческое достоинство неприкосновенно. Уважать и защищать его – обязанность всякой государственной власти. (2) Немецкий народ в силу этого признает нерушимые и неотчуждаемые права человека как основу всякого человеческого сообщества, мира и справедливости в мире. (3) Нижеследующие основные права обязательны для законодательной, исполнительной власти и правосудия как непосредственно действующее право». Это – классическая персонифицированная [Семитко 2009, с. 25–41] конституция, закрепляющая человеческое достоинство как высшую ценность и необходимые для этого государственные институты и механизмы – прежде всего механизм разделения властей, институты непосредственного действия прав человека, правления права, правового государства. Первая статья и первый раздел подобного рода документов «задают тон», показывают сквозную, центральную идею и цель функционирования государства, существования и развития общества, которое принимает такую Конституцию. Именно поэтому один из авторов ныне действующей Конституции России С. С. Алексеев настаивал, чтобы глава об основных правах человека открывала наш Основной закон, стала первой, заглавной его частью и тем самым приобрела максимально высокий конституционный статус [Алексеев 1997, с. 234–236, 259–261; Семитко 2024, с. 108]. Однако идея первостепенной важности прав человека, человеческого достоинства не была поддержана другими соавторами, а в их лице, и последнее будет точнее, политической элитой, для которой всеислие государства – это само собой разумеющееся основание, фундамент российской цивилизации, что, безусловно, подтверждается постоянно усиливающейся, становящейся поистине безграничной всевластностью нашего нынешнего государства. Данное положение вытекает не только из трагично-имперской истории нашей страны, но и из закреплённой в Конституции 1993 года идеи о первенстве государства, поскольку первая статья первой главы («Основы конституционного строя») нашего главного юридического документа посвящена именно государству, как бы оно при этом ни определялось – демократическое, федеративное, правовое и т. д. Оно у нас – главное, основное в жизни нашего общества, а права человека – на втором месте: во второй статье в общем виде и во второй главе – более конкретно, в виде закреплённого перечня прав и свобод. Отсюда вытекает и некоторое внутреннее противоречие, состоящее в том, что приоритетным в этой паре – государство и человек – может быть только что-то одно: либо человек, либо государство. Немецкая конституция на первое место поставила человека, его достоинство и права, а противникам либерализма – противникам прав человека – это, конечно, сильно не нравится⁸.

⁸ О противниках либерализма см.: [Семитко 2015].

Вернемся теперь к началу эссе, обсуждая которое, мы высказывали предположение о наличии некоторого противоречия в предмете исследования немецкого публициста: как можно выступать против либералов, не будучи противником разделяемых ими ценностей? Или, вполне возможно, что автор выступает против псевдолибералов, которые только на словах придерживаются дорогих сердцу немецкого публициста ценностей (свобода, толерантность, право на критику), не являясь теми, за кого себя выдают, и потому название эссе надо было бы немного подправить, чтобы оно соответствовало излагаемому в нем содержанию. Однако фрагмент, посвященный Основному закону ФРГ, явно показывает, что, с одной стороны, название эссе примерно соответствует его содержанию и менять его совсем необязательно, хотя более точным было бы название «Против либерализма и его ценностей», а с другой – предупреждение автора о том, что он «не имеет ничего против ценностей, которые исповедуют либералы», является неискренним, поскольку не соответствует действительности. Это последнее хорошо видно из критики автором уже не либералов самих по себе, а именно их ценностей, которые закреплены в образцово либеральной Конституции ФРГ – настоящем, как верно заметил Армин Молер, «памятнике либеральной мысли», который для него, тем не менее, в силу авторской уверенности в неисполнимости конституционных предписаний оказывается «лишь источником лицемерия», что он «мог бы ещё стерпеть» в силу присущей ему приверженности ценности толерантности, а вот что он стерпеть не может, так это то, что «подобная конституция канализирует доступ к власти таким образом, что она теперь переходит к тем, кто имеет возможность определять и утверждать, как следует понимать конституцию, и, прежде всего, **кого считать “врагами конституции”**». Мы знаем, начиная с Маршалла Маклюэна, что это больше не прерогатива суда. Исполнительная, законодательная и судебная власти уже давно «интегрированы» средствами массовой информации, которые пришли им на замену, приобретя триединую форму» (выделено нами. – А. С.) [Молер 2024, с. 33–34].

В этих высказываниях многое вызывает удивление и даже недоумение. О какой именно неисполнимости или неисполнимости в какой степени Конституции ФРГ на практике говорит автор? Если вновь обратиться к учению К. Ясперса – руководителя диссертации Молера, которого последний должен был когда-то прочитать, – то первый пишет: «Правильное мироустройство не существует. Справедливость остается задачей, не имеющей окончательного решения» [Ясперс 1991, с. 202]. Похожие идеи высказывает и Ф. Хайек, проводя аналогию еще и с поиском истины: «...Мы можем лишь стремиться к истине или справедливости, настойчиво устраняя заблуждения или несправедливость, но никогда не будем уверены в том, что достигли конечной истины или справедливости» [Хайек 2006, с. 212]. Реализовать закрепленные в Конституции ФРГ ценности свободы, равенства, «прав человека как основы всякого человеческого сообщества, мира и справедливости в мире» (п. 2 ст. 1 Основного закона ФРГ) в абсолютном, наиполнейшем смысле слова, т. е. в смысле построения некоторого подобия рая на земле, очевидно, невозможно...

(Продолжение в следующем выпуске)

Список источников

- Алексеев С. С. Философия права: история и современность. Проблемы. Тенденции. Перспективы. М. : Норма, 1997. 336 с.
- Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения : пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко ; коммент. А. Ф. Филиппова. М. : Прогресс, 1990. (Серия «Социологическая мысль Запада»). С. 643–706.
- Канеман Д. Думай медленно... Решай быстро : пер. с англ. М. : АСТ, 2011. 656 с.
- Милль Д. О свободе (1859) / пер. с англ. А. Неведомского // Литрес : электронная библиотека. 04.11.2014. URL: <https://www.litres.ru/book/dzhon-stuart-mill/o-svobode-8521374/> (дата обращения: 14.05.2026).

- Молер А. Консервативная революция в Германии 1918–1932 гг. / пер. с нем. А. Васильченко. М. : Тотенбург, 2017. 312 с.
- Молер А. Против либералов / пер. с нем. Г. Н. Сипливого ; науч. ред. и примеч. Ф. М. Фомичёва ; под общ. ред. Д. С. Житенёва, А. А. Цыганковой. М. : Silene Noctiflora, 2024. 160 с.
- Молер А. Фашизм как стиль // Молер А. Консервативная революция в Германии 1918–1932 гг. / пер. с нем. А. Васильченко. М. : Тотенбург, 2017. С. 271–308.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка : около 53 000 слов / под общ. ред. Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр. М. : Оникс : Мир и Образование, 2007. 640 с.
- Пинкер С. Рациональность. Что это, почему нам ее не хватает и чем она важна. М. : Альпина Диджитал, 2021. 291 с.
- Семитко А. П. Право, личность, права человека: персонцентристский подход к праву и правовой культуре (концептуальное введение) // Права человека : энциклопедический словарь / отв. ред. С. С. Алексеев. М. : Норма, 2009. С. 25–41.
- Семитко А. П. Приоритет прав и свобод человека как одно из правовых оснований либерализма // Вестник Гуманитарного университета. 2015. № 4 (11). С. 59–83. EDN VHINYV. (URL: <https://gu-ural.ru/uploads/2017/01/Vestnik-GU-2015-4.pdf>).
- Семитко А. П. Учение С. С. Алексеева о праве: краткая научная биография. Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2024. 805 с. EDN KYKYUS.
- Фомичёв Ф. М. Молер как стиль // Молер А. Против либералов / пер. с нем. Г. Н. Сипливого ; науч. ред. и примеч. Ф. М. Фомичёва ; под общ. ред. Д. С. Житенёва, А. А. Цыганковой. М. : Silene Noctiflora, 2024. С. 113–158.
- Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность: Московские лекции и интервью. М. : Академия, 1995. 252 с.
- Хайек Ф. А. Индивидуализм и экономический порядок / пер. с англ. О. А. Дмитриевой ; под ред. Р. И. Капелюшников. Челябинск : Социум, 2011. xxviii, 394 с. (Серия «Австрийская школа». Вып. 24).
- Хайек Ф. А. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / пер. с англ. Б. Пинскера, А. Кустарева под ред. А. Куряева. М. : ИРИСЭН, 2006. 644 с.
- Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / пер. с англ. Л. Ю. Лапшиной. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 368 с.
- Шайо А., Уитц Р. Конституция свободы : введение в юридический конституционализм / пер. с англ. Д. В. Сичинавы и Е. А. Захаровой. 2-е изд. М. : Ин-т права и публичной политики⁹, 2024. xviii, 580 с.
- Шац А. Индивидуализм экономический и социальный. Истоки, эволюция, современные формы / пер. фр. В. П. Гайдамака, А. В. Матешук. М. ; Челябинск : Социум, 2021. 706 с.
- Ясперс К. Смысл и назначение истории : пер. с нем. / вступ. ст. П. П. Гайденко. М. : Политиздат, 1991. 527 с.

Информация об авторе

Алексей Павлович Семитко, д-р юрид. наук, старший научный сотрудник РАН, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, декан юридического ф-та, заведующий кафедрой публичного права, профессор АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия), лауреат Всероссийской премии имени Сергея Сергеевича Алексеева «За заслуги в юриспруденции». SPIN-код: 5866-9944.

Information about the author

Alexey P. Semitko, Dr. Sci. (Law), Senior Researcher at the RAS, the Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Dean of Law Faculty, Head of Public Law Department, Professor of Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia), Laureate of the All-Russian Prize named after Sergey Sergeevich Alekseev “For Merits in the Field of Jurisprudence”.

Статья поступила в редакцию | Submitted 10.06.2026.

Одобрена после рецензирования | Revised 20.07.2026.

Принята к публикации | Accepted 20.07.2026.

⁹ НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ ПРОИЗВЕДЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ ИЛИ КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА (АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ «ИНСТИТУТ ПРАВА И ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ» РЕШЕНИЕМ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ РФ ОТ 15 ИЮЛЯ 2021 Г. ВКЛЮЧЕНА В РЕЕСТР ИНОСТРАННЫХ АГЕНТОВ). (18+)